

Дорога на Эшгет

Клара Рутт

16+

Клара Рутт

Дорога на Эшгет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66723802

SelfPub; 2021

Аннотация

Орки никогда не водили дружбы с людьми, но старейшина приказывает следовать за чужаком, и у Когона не остается выбора. Вместе с тем не остается дома и веры. Теперь он, как и многие, наемник в армии людей, что идет на столицу Империи. Но сможет ли орк подчиниться человеку?

Клара Рутт

Дорога на Эшгет

Визг смешался с плачем. Топот лошадей, словно хлыстом, разрезался металлическим звоном. С улицы тянуло кровью. Когон схватился за топор.

Пол у входа в хижину застилала осколки. В пустом окне громыхал ветер. Сегодня в их племя пришла война.

– С дороги! – с улицы донесся рык. Дверь дрогнула и разлетелась в щепки, едва Когон успел пригнуться. Мерзкий ветер ударил в лицо, и на пороге возникли темные фигуры.

Когон сделал выпад, но крепкие руки опустились, не успев замахнуться. Трое незнакомцев ворвались в дом, четвертый вытолкнул ему на руки безвольное тело жены.

– Зурха, – ладони выпустили топор, и шершавые пальцы коснулись холодной кожи. Ее угольные глаза смотрели прямо, но не видели. Зурха ослабла.

– Поднимайся, орк. Ты пойдешь с нами, – его шеи коснулся меч. Человек перед ним выпрямился, перья на шлеме шевельнулись.

Одно мгновение, чтобы победить, или вся жизнь, чтобы сдаться. Зурха боролась до последнего.

Пальцы сами сомкнулись на рукояти топорика, и лезвие повиновалось его рывку. Полоснув по шее говорившего, вонзилось в лицо напротив. Соединилось с ответным взмахом

мечей и пробило доспехи. Воины рухнули к нему под ноги.

– Прости, Зурха, – он склонился над бледным телом жены. Алый цветок украсил ее грудь и распускался все новыми и новыми лепестками. Она любила растения. – Теперь в твоём мире будет много букетов. Прости, что главное – защитить племя. Спасти старейшину.

Когон поднялся. Старейшина Укмар знал, что придут люди, но не был готов. И теперь нельзя допустить, чтобы враг захватил Пещеру Памяти. Если сдастся Старейшина, все орки попадут в рабство к людям.

В звенящей кутерьме снаружи свои стреляли с башен, но люди, кажется, заполонили все. По пути к Пещере Когон уложил еще с десятков нападающих, но по сравнению с атакующей силой, у орков почти не было защиты.

– Здравствуй, Когон. Заходи, – человек в белом плаще открыл ему путь. Его лицо скрывала металлическая маска. Прорези для глаз обрамляли алмазы. – Мы ждали тебя.

Он посторонился, пропуская Когона внутрь. В глубине пещеры, на троне из костей медведя и шкур восседал старейшина Укмар. По обеим сторонам, вдоль темных стен, стройными рядами замерли людские захватчики. В центре, опустившись на колени, перед старейшиной склонили головы лучшие воины племени.

– Старейшина? Вы в порядке? – он прошел вперед, но застыл на полушаге. Орки находились в замкнутом пространстве, почти без света, в окружении врага. Когон покрепче

перехватил топор.

– Убери оружие, Когон. Ты знаешь закон, – Укмар заговорил скрипучим голосом. – Просто повинуйся моей воле, как делал это прежде.

Когон осмотрелся. Все воины из гарнизона сложили оружие и теперь бросали в него немые укоры. Пики захватчиков были направлены точно ему в лицо. Над бровью задрожала вена. Сжав зубы, Когон бросил топор к ногам врагов и склонил голову.

– Мы заключаем союз, – Укмар заскрипел без предисловий. – Люди и орки. В дань уважения к людскому народу я дарую Императору Ригарду в вечное распоряжение своих лучших воинов.

Человек в белом плаще ухмыльнулся и отошел от входа. Встал рядом со Старейшиной.

– Мне льстят твои речи, Укмар, но я еще не Император.

– Смердящее дыхание Бронга, это лишь вопрос времени! Как только с плеч Жизога полетит его змеиная голова, народ Эшгета вздохнет с облегчением. И пиром встретит достойного Императора!

– Так и будет, – Ригард кротко улыбнулся. – Не без твоей помощи.

– Мои воины проводят тебя в столицу, – Укмар поднялся. – Взамен ты более не тронешь наших женщин и детей.

– Безусловно, – Ригард протянул руку вождю. – Мы уйдем тотчас.

Когон сжал кулаки. Племя не может сдаться! Они должны бороться, и даже брошенное к ногам людей оружие не сдержит их общую ярость!

Гнехт рядом покачал головой. Они часто ходили на охоту вместе, и сейчас оказались под одной угрозой. Остальные орки в ряду склонили головы. Когон отвел взгляд. Что-то не складывалось: они не могли так просто сдаться, не могли простить убитых семей.

– Воины! Я приветствую вас в рядах армии людей, и я горд, что вы с нами, – Человек выпрямился и поднял руку. В тусклом свете факелов маска сверкнула черным. – Перед нами великая цель, но после победы, я обещаю, вы вернетесь домой. А вместе с вами – сундуки с золотом столицы.

Он окинул взором пещеру и, кивнув своим, поспешил к выходу. В лицо ударил влажный воздух со смесью запахов пота и медвежьей кожи. Свита Ригарда, как один, отошла от стены. Часть людей направилась за господином, другая принялась выводить «новобранцев». Когон устремил взгляд на старейшину.

Укмар вновь взгромоздился на трон и закрыл глаза. Впрочем, воины тоже на него не смотрели.

– Старейшина, – пользуясь суматохой у выхода, Когон все же обратился к вождю. – Старейшина Укмар, вы не скажете свое слово?

Гнехт, уже вставший в строй, обернулся. Людская стража подгоняла орков.

– Не забудь свое оружие, Когон, – вождь проговорил, не открывая глаз. – Ступай.

– Когон? – Гнехт окликнул его. Колонна приближалась к выходу. Стража тоже обернулась на него.

Гася внутри душившую ярость, Когон схватил топор и направился к выходу.

– Ты вернешься, Когон, – он услышал в спину. Стая летучих мышей, сорвавшись из-под сводов пещеры, заглушила слова вождя писком. – Ты приведешь сюда человека, и тогда мы будем готовы. Умей отступить вовремя, умей просчитать ход врага, и тогда ты победишь.

Больше Когон не оборачивался.

* * *

Ящеролюды сдались сразу. Их племя раскинулось в лесу неподалеку, и, завидев соседей в рядах людской армии, они сложили оружие.

Следом – сатиры и эльфы.

Армия людей росла. Половину ее численности составляли другие расы. Орки освоились быстро. Люди воспринимали их как равных. На привале травили друг другу байки о прошлой жизни, в лагере голосили баллады. Когон скучал. Он часто вызывался дежурить по ночам, наблюдал за остальными. Гнехт почти сразу куда-то пропал. Ходили слухи, что его зачислили в личную свиту Ригарда, но, по большому счету, Когону было все равно. С другими сородичами он знаком-

ства не водил.

– Мы объединим народ под знаменем Империи, – Ригард выступал сегодня перед всеми. Солнце клонилось к горизонту, и после долгого пути Когон мечтал о ночной встрече с мягким тюфяком. – Завтра мы покинем пределы Чуткого Леса и ступим на Плато Гаснущей Жизни – на прямую дорогу к столице. Наша цель не стать жертвой гадких насекомых и найти друидов. Вряд ли они будут рады видеть нас, но сила природы в союзниках нам не помешает. Если мы встретим другие кочевые расы, мы должны пополнить свои ряды новыми воинами. Как только мы пересечем плато, Змееголовы будут знать о нашем приближении. Так пусть же они трепещут перед нашей мощью!

Он поднял меч, и воины вторили ему победным кличем. Все, как один, смотрели на человека и шли за его целью. За золотом или за лучшей жизнью? Никто из них не жил в городах. Его армию составляли кочевые племена, горные или лесные. Только люди строили свои цивилизации, остальные выживали как могли. Да, еще были гномы, но подчинить их Ригард почему-то даже не пытался.

Сумерки обезличили силуэты, и Когон поспешил в свою палатку. Он – часть будущей Империи, победное оружие Императора. Орк, потерявший дом, семью и прежний мир. Но теперь почему-то казалось, что новый мир будет лучше.

– Посторонись, ящер! – грубый голос неподалеку от жилища заставил Когона прислушаться.

– Отвяжись, длинноухий! Я терплю тебя только во благо новой Империи.

– Лучше бы ты шел прочь с моего пути. Эльфы не предавали свое племя во благо призрачной Империи!

– Да-да, они сдались целиком и сразу!

Когон остановился. Факелы уже зажглись, но стража еще не успела занять посты на ночную службу. У самой окраины лагеря собралась шумная компания, и, судя по голосам, настрой у них был недружелюбный.

– И что ты будешь делать с этим, ящер? – в разговор вмешался прежде молчаливый сатир. Он топтался на месте, и копыта звучно хлюпали в сырой почве. – У каждого из нас свои причины находиться здесь.

– Точно, Элипас, – подхватил четвертый голос, – орки застучали без битвы! Чем не повод выгулять топоры?

Орк засмеялся, его подхватил ящер. Сатир хмыкнул, эльф промолчал. За их спинами теснились еще воины, но в тени Когон не смог различить черт. Но по голосу понял: среди мятежников Гнехт.

Он уже дошел до своей палатки, но спор не унимался. Голоса повышались, и к ранее говорившим добавлялись новые. Когон выругался: шансы на спокойную ночь угасали с каждым криком.

– А ты на чьей стороне, орк? – под ногами возникла маленькая тень, рядом – худощавая фигурка. В темноте Когон принял бы незнакомца за человека-подростка, но вовремя

увидел уши. С ним заговорил лесной эльф.

– Мне нет дела до разборок. Меня ведет Император, – Когон ответил сухо и поспешил перевести взгляд.

– Он всех нас ведет, – эльф вздернул подбородок, в ладонях появились два тонких кинжала. – Но он ни у кого не отнимал волю!

Его голос звоном наполнил лесную округу, и незнакомец подлетел к разгоряченной толпе.

Удар, второй – заговорщики накинулись на него, но эльф перемещался слишком быстро, чтобы они могли его зацепить: он был почти незаметен, в то время как ящеры и орки не отличались подвижностью. Пока они замахивались топорами, эльф успевал ударить в спину сатира. В конце концов, мятежники сцепились друг с другом.

Когон топтался на месте. Не позднее, чем сейчас, здесь появится стража. Да и другие воины могут сбежаться на крики. Он выследил среди кучи Гнехта – он с привычным рвением бил чужаков.

Когон взялся за топор и подошел ближе. Если нападут, придется драться, но, как минимум, надо вытащить сороди-ча. Однако стоило приблизиться, к его ногам прилетел эльф. На его щеке горела ссадина, простенький доспех был заляпан кровью.

С мгновение Когон разглядывал упрямого эльфа, но тот закричал, и он поднял его за шкуру.

– Тебе это ни к чему, парень, – он поспешил отнести его в

сторону. Уже подойдя к своей палатке, он поставил эльфа на ноги и внимательно изучил. Ничего необычного: юный лесной эльф, худощавый, немного сутулый, но весьма искусно владеющий клинками. – Завтра половина из них не очнется, а другую казнят человек. Где твоя палатка?

– У меня нет палатки, – он смотрел с вызовом, но обратно в драку не просился. Видно, неплохо парню досталось. Сам виноват. – Я проник тайно, он даже не заметил.

Когон нахмурился:

– Но все эльфы сдались без боя...

– Если я борюсь один, еще не все потеряно, – он вновь задрал подбородок и выглядел теперь, точно как подросток, оскалившийся на весь мир.

– Если думаешь, что перебеешь кучку мятежников (или служителей империи – тут как посмотреть), и это что-то изменит, то зря. Ты не доживешь даже до рассвета.

– Хочешь сказать, у тебя есть план? – эльф скрестил руки на груди.

– Пока нет, но я надеюсь вернуться, – Когон осмотрелся и, по-прежнему не заметив никого из стражи, приоткрыл полотно палатки. – Можешь остановиться здесь, моего соседа отселили к другому отряду.

Эльф пожал плечами и залез внутрь.

* * *

– Твой сородич, Гнехт, он теперь... командует?

У эльфа оказался еще один талант – задавать неудобные вопросы. Но Когон и сам часто думал о Гнехте.

– Можешь не отвечать, конечно, – эльф сорвал травинку и засунул в рот, – но посуди: он в личной свите Ригарда вместе с другими представителями рас, и в то же время, в союзе с мятежниками.

– Я не знаю, Ильсо. Это все игра Человека. Я хочу лишь вернуться домой.

– Ага, – Ильсо повернулся к нему лицом, щурясь от солнца. – И только. А я хочу свергнуть Империю. Ах да, она еще не построена... Знаешь, что стало с теми бунтовщиками? Ну, с теми, кто остался жив?

Когон покачал головой. Он не знал. А может, и не хотел знать вовсе.

– А я тебе скажу, – он перевернулся на спину, и солнце теперь освещало его целиком. Ильсо жмурился и говорил как ни в чем не бывало, словно они вели разговор о погоде. – Их вывели за границы лагеря, вглубь Чуткого Леса, связали и отдали змеям. Да-да, змеям. Чтобы они проглотили их целиком и не оставили следов. Так вот, Гнехта не было ни среди убитых, ни среди съеденных.

Когон не ответил. Чем дальше они отходили от дома, тем меньше он видел смысла во всем происходящем. Он был одним из многих, кто шел за чужаком и не задавал вопросов, лелея надежду вернуться. И да, он даже понимал Гнехта. Вот только не был уверен, что, находясь ближе к Человеку, тот

имел больше шансов выжить. Если не наоборот.

Они с Ильсо сидели в засаде. Четвертый день, как армия пересекала Плато Гаснущей Жизни, но лишь сегодня утром на почве появилась растительность. Вода и провизия почти не пополнялись. Идти становилось сложнее.

Сегодня их отправили в разведку. По сведениям Человека, в этих местах встречались друиды.

Разведчики укрылись под каменным выступом – в месте перепада высот – и вели слежку за поляной, что расстилалась перед ними, как на ладони. С непривычки от яркой зелени слезились глаза.

И еще. Здесь пели птицы.

– Я никогда не видел друидов, – вдруг Когон заговорил первым. – Они, должно быть, полезны, раз мы их поджидаем? Интересно, у них есть армия?

– Пф-ф, – Ильсо отмахнулся и опустил голову за камень, – если и есть безобидные существа в Империи, так это они. Ходят, шепчут себе чего-то под нос, постукивают по деревьям.

– Как эльфы? – Когон улыбнулся.

– Вот так ты, да? – Ильсо пихнул его в бок. – Зеленокожий невежда!

– У меня маскировка, – Когон пригнулся, и трава накрыла его с головой. – Видишь? Я полезен!

– Тихо! – уши Ильсо напряглись, и он зашептал. – Кажется, идут, приготовься...

Когон достал сигнальный рог и прижался к земле. На поляне перед ними показались пять фигур. В длинных одеждах, с покрытой головой, они плавно шагали и тянули звучное «М-м-м». Их лица покрывали незнакомые знаки, словно нарисованные чернилами. Оружие Когон не разглядел.

Друиды шли по кругу и пели, птицы отзывались им звонким чириканьем. Даже ветер приутих с их появлением. Когон прижался сильнее, будто они могли его видеть.

Друиды сделали круг по поляне и уселись друг за другом в ряд, скрестив ступни. Они вскинули руки к небу, и перед ними вспыхнул костер. Едва различимое «М-м» стало громче.

– Ну? – Ильсо зашептал, вынимая веревку. – Чего не подаешь знак, а? Подданный Империи?

А Когон словно замер. Друиды, как лесные духи, казались ему прозрачными стеклами на холсте леса. Они общались с растениями, птицами и пели песни. Ему еще не приходилось встречать народ, кто так чувствовал жизнь в то время, когда вокруг все теснее смыкалось кольцо войны.

Когон замешкался лишь на миг, и воины напали без сигнала. Выпрыгнув из-за ближайшего уступа, отряд армии Человека накинудся на друидов.

– Рог! Дай сюда живо! – Ильсо вскочил, вырвал рог из рук Когона. Он набрал в легкие побольше воздуха, и тревожный гул наполнил окрестности. Нападавшие не повели и ухом, друиды не сопротивлялись.

Словно неловкий художник разлил краски – на поляне за-

алели дикие маки. И воины – орки, ящеры и эльфы – топтали их грубыми сапогами.

– Что-то ты поздно, Когон! – крикнул кто-то из своих. – На солнышке пригрелся?

Они шарили по одеждам мертвецов, снимали перчатки и кольца, рылись в земле и обменивались грязными смешками. Когон так и застыл.

– Мы должны были взять их в союзники, – только и вырвалось. – Зачаровать оружие, зарядиться энергией чащи. Рог должен был стать сигналом перемирия...

Когон схватился за голову. Перед глазами возник образ Зурхи. Те же красные маки растекались по ее телу, те же пустые глаза смотрели наверх...

– Я ничего не хочу сказать, – Ильсо выкинул рог в траву. – И, пожалуй, не буду. Кровь невинных обычно красноречивее.

Когон перевел взгляд с эльфа на соратников. Долго они не задерживались. Сделав еще обход поляны, они развернулись и, хвастая добычей, скрылись в зарослях.

«Ты вернешься, Когон, – слова старейшины прочной нитью натянулись в сознании. – Ты приведешь человека. И тогда мы будем готовы»...

– Проклятье, – он процедил сквозь зубы, едва сдерживаясь, чтобы не метнуть топор в скалу напротив. – И как ты вздумал бороться?

Он рыкнул, и эльф коснулся его руки. Мягким и уверен-

ным – таким оказалось его прикосновение, и Ильсо поднял глаза:

– Задай себе вопрос, Когон: на чьей стороне ты на самом деле?

– Что это изменит? – он выдохнул. – Нас только двое.

– Ты удивишься, но это не так уж и мало, – эльф улыбнулся и перевел взгляд на поляну. – Человек несет благую цель – единство всех народов. Да, небывалый подвиг в раздробленном мире Змееголовов! Правда, вероятно, в новой Империи «все» – это немного меньше, чем было.

– Гномы не сдались...

– Нет, Когон. Человек даже не пытался лезть в их мир. Все наши племена слабее гномов, но и орки готовы бороться, я прав?

Когон ухмыльнулся. Эльф знал все. Он вставал с первыми лучами солнца, садился у входа в палатку и слушал. И вскоре ночная тишь в лагере сменялась тихим шепотом. Но сколько всего Ильсо слышал прежде?

– А теперь только смотри, – он хитро подмигнул и снова улегся на траву, пряча уши за камнем. Когон повторил то же.

Поляна пестрила красками. Тела мертвых друидов сливались с землей, и лишь красные пятна напоминали о прошедшем разбое. Но костер горел все ярче. Вспыхнув из ниоткуда, он так же не мог погаснуть. С оранжевыми языками пламени смешались фиолетовые, затем зеленые, и костер стал расти.

Птицы умолкли и теперь следили вместе с ними за творящимся волшебством. Пламя достигло верхушек ближайших кустарников, но треск не слышался – только вибрации воздуха, словно от прозрачного щита, едва слышно звенели в тишине замершей чащи. Вместо запаха травы и древесины в нос ударило свежей кожей от новых сапог.

Не веря своим глазам, Когон схватился за камень, и костер вспыхнул – будто выплеснул из себя последние частицы энергии – и потух. Лишь несвязные огоньки остались бродить по поляне.

Частицами энергии оказались фигуры. Снова фигуры в плащах с покрытой головой и сверкающим рубином возле уха. В отличие от друидов, как только появились, они застыли каждый на своем месте и скинули капюшоны. Рубины за-сверкали ярче. Три фигуры – юноша и две девушки – вскинули руки, и на прежнем месте костра соединились шесть красных лучей.

– Пирамида жизни, – Ильсо прошептал, в его широких глазах отразились цветные блики.

Юноша направил одну руку перед собой, и один луч, словно меч, вонзился в землю. Пять остальных соединились с ним в вершине, и мертвые тела друидов, как по чьему-то безмолвному приказу поднялись над землей. Лучи пронзили их насквозь, и кровь, пропитавшая землю, потоками жизни стала вновь наполнять бездыханные тела.

– Кто они? – не отрывая глаз от творящегося волшебства,

спросил Когон.

– Это Истинные, – одними губами проговорил Ильсо. – Люди, не утратившие дар. Первая раса старой Империи.

В их племени не верили в магию, и тем более, в древние расы. Новая вера орков гласила, что Великий Бронг принес жизнь в умирающую Империю. Он создал оазисы в бесконечной пустыне, и расы, расселяясь по разным уголкам, образовывали свои касты. И в их вере не было местам людям.

Но, должно быть, многие поколения старейшин ошибались. Перед его взором, не ведя и глазом в его сторону, Истинные творили волшебство, и убитые друиды поднимались.

– Это невозможно, – Когон протер глаза кулаками, но картинка не исчезла. Лучи потускнели, и красные пятна стерлись с изумрудно-зеленого холста поляны. Друиды преклонили колени.

Над их головами возникли светящиеся шары. Они возвысились и, соединившись в один, вновь образовали пламя. Разноцветные языки потянулись к чародеям, но теперь их коснулись друиды. Вдохнув расплескавшийся жар, они слились с пламенем и растворились в воздухе. Истинные сложили перед собой ладони и опустили на колени. Звуки пропали вновь.

– Это наш шанс, – Когон поднялся и, ловко перескочив камень, по уклону проскользил вниз. – Они помогут нам! Мы сможем возродить наши племена!

– Стой! – он едва расслышал зов Ильсо и продолжил

спуск. – Вернись, упрямый орк!

В спину прилетел камень, но Когон увернулся. Что бы ни задумал хитрый эльф, он должен попытаться. Если есть хоть малейшая возможность вернуть своих, он использует ее.

– Эй! – Когон ускорился на крутом склоне. – Не уходите!

Фигуры обернулись. Раскинув языки, будто шелковые ленты, разноцветный костер переместился. Теперь он полыхал между Истинными и орком.

Горячее дыхание обдало лицо, и Когон закрылся, пятясь. Огненные ленты, будто подгоняемые невидимым ветром, тянулись к нему и обжигали твердую кожу.

– Не подходи ближе, орк! – поляну наполнил голос: равнодушный и твердый, что казалось, даже он противостоит порыву Когона. – Мы сами решаем, когда время.

За прозрачными языками сверкнули три рубина, в небо вытянулись лучи. Фигуры переместились дальше.

– Нет, стойте! – он поднял руки, но они будто перевесили все его тело, и Когон повалился на камни. Цепляясь за скользкий склон, он покатился кубарем. Пламя взмыло в воздух.

В руках одной из фигур возник огненный шар. По лбу пошел пот, под доспехом застонали отбитые кости. Он напряг ступни и... не смог подняться.

– Оставайся на месте, Когон из племени кочевников, – над ним возвысилась фигура. Она держала перед собой ладонь, будто ограждалась от неизвестной опасности. Но глаза смот-

рели безучастно.

Белые локоны спадали ниже плеч, тонкие губы сжимались, и бесконечные символы – витиеватые узоры – покрывали кожу на бледном лице. В мочке уха горел рубин.

– Не смей идти за нами, – она сжала ладонь в кулак, и грудь сдавил невидимый ком. Чуждый озноб вдруг подкрался к горлу, губы сделались сухими. – Если ослушаешься, умрешь.

Тупая боль растекалась в груди, пальцы, прежде сжимавшие топоры, задрожали. Когон зарычал.

– Видящая, – в ее речь вплелся мужской голос. Такой же бездонный и такой же чужой. – Нам пора.

Когон попытался повернуться в его сторону, но лишь уронил голову на плечо. Шелковые ленты смешались, образуя разноцветный шар. Видящая отступила.

Истинные соединили ладони, и шар поглотил их. На поляне остался он один.

Когон наконец вдохнул, но словно горная плита накрыла легкие, и в глазах помутнело. От попыток подняться дрожали ноги, и лопатки сводило судорогой. Лицо горело сильнее.

– Ильсо-о, – орк позвал, но лишь прерывистый хрип вырвался из его груди. Солнце клонилось к горизонту, и тени сгущались. Послышались легкие шаги.

Словно скованный, Когон не смел шевельнуться, но стоило ему учуять незнакомый запах, мир перед глазами погас.

* * *

Он очнулся от боли. Грудную клетку словно сковали тугие цепи и при каждом вдохе сильнее впивались в кожу. Глаза слепил дневной свет, но, проморгавшись, Когон увидел над собой цветные полотна. Значит, он в шатре. Ильсо принес его в лагерь?

– Я рад видеть тебя в добром здравии, Когон, – раздался стальной голос, по носу ударил резкий запах гари. – Ты очнулся очень вовремя.

– Господин? – Когон приподнял голову и увидел в центре шатра Человека. Блестящая маска ловила солнечные лучи и слепила глаза. У входа в шатер невозмутимо стоял Гнехт. – Я бы не был так уверен в своем здравии, господин.

Он попытался сжать кулак, но пальцы его не послушались, перед глазами поплыли круги.

– Боюсь, у нас в запасе нет и дня для твоего восстановления, – Ригард сложил за спину руки и приблизился. – Ты был в беспамятстве две дюжины дней, но сейчас на счету каждая минута.

– Две дюжины...

Когон уронил голову и закрыл глаза. Истинные могли быть где угодно. Ильсо мог натворить неладное. Но лучше не спрашивать.

Снаружи было тихо. Только тихое журчание слышалось где-то совсем рядом. Но на Плато раньше не было рек.

– Мы в Туманных землях, в Восточной низине Импера-

торского Тракта, – Ригард будто озвучил приговор, и Когон затаился. – Столица сдалась вчера на заре. Мы сворачиваем лагерь.

– Столица? Мы у ворот Эшгета? – памятуя о всякой боли, Когон сел. В висках застучало. Да что с ним такое? За две дюжины дней он до сих пор не оклемался??

– И даже за ними, – Ригард улыбнулся. – Самое время раздавать новые назначения, и я бы не хотел обделять вниманием твой талант.

– Мой... талант? – Когон закашлялся. – О сих мне неизвестно, господин.

– Твой деловой подход, если быть точнее, – Ригард остановился напротив, но голос в воздухе звенел холодной сталью. – Орки ждут твоего возвращения в племя, ведь так? О, не отрицай, мой верный Гнехт поведал о твоём уговоре со старейшиной.

Теперь Когон устремил взгляд на сородича. Тот держался отстраненно, будто не о нем велась речь.

– Я знаю цену данному слову, Когон. И я дам тебе возможность его сдержать, – Когон поежился. Кажется, повеяло холодом. – Река Вьюнка огибает Восточную низину недалеко, чем лигу назад. Там, по данным разведки, как раз обосновалось орочье племя. Шло ли оно по нашим стопам, или это другие кочевники, для меня не имеет значения. Но для тебя, Когон, это – шанс доказать верность.

Дыхание сперло, и к груди подобрался ком. Маска снова

сверкнула в приглушенном свете, Человек ухмыльнулся.

– Отряд орков с тобой и Гнехтом во главе выдвигается на рассвете. Выпей это, – он оставил на столике маленькую склянку с оранжевой жидкостью. – Это поможет восстановиться. А сейчас тебе нужно привести себя в порядок и подготовиться к встрече. Мы оставим тебя, но завтра будь готов сражаться.

Они скрылись снаружи, и Когон снова рухнул на тюфяк.

* * *

Головокружение прошло к ночи, но для пущего порядка Когон все же осушил бутыль. Хрупкое стекло полопалось в ладони, и он швырнул осколки. Это все – дурной сон.

Но тлеющие стены на линии горизонта говорили об обратном. Клубы дыма и запах гари, пропитавший буквально все вокруг, подтверждали слова Ригарда. Нового Императора людей. И, как следствие, всего мира.

«Мы сами решаем, когда время» – всплыли в памяти слова Истинных. Но когда это самое время, если не сейчас? Все рухнет, и единственное, что он может – только наблюдать. Ах да, еще уничтожить свое собственное племя.

Когон уселся у воды. Холодное течение обдавало ступни, изо рта вырывался горячий пар. Он не может сдаться.

В тишине пустого лагеря его дыхание казалось громом, и теперь он жалел, что может ясно видеть. Лучше бы оставался в забвении, в своей наивной вере в борьбу.

Наверное, это бесполезно. Нет смысла идти против системы – Ильсо ошибался. А теперь и вовсе пропал, если не стал жертвой Человека. Но зачем? Зачем он показал ему Истинных – силу, способную справиться с Империей?

Они не оставили ничего. Только слабость и острый холодок под грудью. И теперь, в ночи перед нечестной битвой, он крепчал. Этот маленький холодный огонек рос и превращался в стальной шар внутри, река глушила страх и сомнения, и сталь забирала боль. Ненависть гасла в морозных волнах, обида стиралась, и приходило понимание Истины. Того, что он должен делать.

Остаток ночи, до сборов, он провел в бдении. Поутру Гнехт окликнул его, и Когон не задавал вопросов. Он подошел к месту сбора и оседлал варга. Орки озирались на него и шептались безо всякого стеснения, но он дернул поводья. Где бы ни было сейчас его племя, оно не проиграет.

Пыль бросалась в глаза, оседала на лицо и доспехи, мощные лапы варга тоже покрылись серой пеленой, но Когон гнал лишь вперед. Он не оборачивался на своих сослуживцев, он хотел лишь скрыться с глаз.

Он мчался вдоль Вьюнки, по дороге у рваного берега, не имея особой цели, пока ему не преградил путь всадник. Такой же покрытый пылью и потом силуэт, с лицом, повязанным платком, верхом на варге.

– Не спеши, Когон, – говорил Гнехт. – Если скроешься, тебя объявят дезертиром. Как твоего дружка-эльфа, помнишь

о таком?

– Где он? – Когон натянул поводья, варг резко остановился, поднимая очередной столб пыли. – Эльфов даже не называли, чтобы объявить дезертирами.

– Однако он исчез. И очень интересно, что же случилось с тобой в момент его пропажи. Наш Император слишком учтив, чтобы задавать неудобные вопросы, но мы с тобой не чужие.

– Ты ведешь орков уничтожать орков! И после этого мы не чужие?? – Когон прорычал. За спиной послышался топот. Отстающие орки приближались.

– Будущее за Империей, и я выбрал его. В племени мы доживали последние дни. Не люди, так змееголовы поработили бы нас! И что-то мне подсказывает, у нас бы не было выбора сдаться самовольно, – он подал знак приближающимся. – Зря старейшина не одобрил союз, мы могли бы стать частью Империи.

– Напомни мне, Гнехт, когда захват и разорение земель стало считаться союзом? – Когон сплюнул, и, гася подступающий озноб, приблизился к нему. Но Гнехт развернулся, и его варг сорвался с места.

За столбом пыли Когон почти не видел его, но направление осталось неизменным: орки направлялись к истоку реки. Что-то подсказывало, не было здесь никакого племени. Гнехт просто должен был расправиться с несогласными. И если так, то... вероятно, он не одинок в своих мыслях.

Когон на миг обернулся. Вместо соплеменников он увидел серые фигуры, слившиеся с дорожной пылью – все, как один, следовали за предводителем. Интересно, какую байку придумал для них Гнехт?

Но в том, что они направлялись к племени, он не соврал. Совсем скоро, когда река начинала поворот, они обнаружили мостик. А за ним – догорающий костер. Котелок был брошен рядом.

– Сюда! – Гнехт спрыгнул на землю, перебрался на другой берег и первым вошел в заросли. Сунул руку в тлеющие угли. – Еще горячие. Обыскать местность!

Орки разбрелись по округе, Когон осмотрелся. Костер, с дюжину палаток, брошенная посуда, одежда. Здесь вправду кто-то был. И покинул дом не позднее, чем с час назад.

Пахло едой. Даже головешки впитали в себя запах жареного мяса. Когон выдохнул: им удалось уйти. Борьбы не будет, и теперь главное вернуться.

– Тощая задница Бронга, они улепетнули! – из зарослей показался Йорхен – крепкий орк, ранее служивший в гарнизоне. – Мы прошлись по округе, варгов пустили по следу, но они еще не вернулись. – Он утер пот со лба и поставил руки на пояс. – Будем ждать?

– Главное найти старейшину, – Гнехт кивнул товарищу. – Остальных отыщем позднее.

– Вы явно бредите, – Когон вмешался. Из горла вырвался протяжный рык. – У вас нет семей? Сородичей? Друзей, с

кем вы выпивали, глядя на закат? Они – наше племя!

Орки переглянулись и залились хохотом. Йорхен похлопал его по плечу:

– Когон, ты славный малый, но орки – это прошлое, чуждое? Мы вступили в новую жизнь. Император позаботится о нас.

– Он уже позаботился, – Гнехт его поправил, – когда пришел в наше племя.

– Точно, – Йорхен хмыкнул. – Наши семьи мертвы во благо высшей цели, и мы – часть ее воплощения.

Когон осторожно вырвал руку, посторонился. Что он пропустил, когда был в забвении? Это ли его сородичи? Где их вздорный нрав и дерзкие речи? Где ярость и бывшее высокомерие? Где настоящие орки?

– Жаль, что это другое племя, – Йорхен почесал нос, поморщился. – Своих бить куда приятнее.

– Так бей! – Когон накинулся первым. Что-то громыхало у него в висках, и холодели ладони, но оттого крепче он сжимал топоры. К горлу подступал тот самый ком, что засел где-то под сердцем, и ноздри раздувались от тяжелого дыхания.

На кончиках пальцев кипела ярость, она буквально рвалась наружу, вселяясь в лезвия невидимым духом. И лезвия слушались его волю.

– А-ар-рр! – Когон замахнулся вновь, Йорхен только и успел округлить глаза, топор вошел в его ключицу, Гнехт вынул меч.

– Ты мертвец, Когон. Нас больше, – он говорил, и на его голос плотным кольцом сходились бывшие сородичи. Понеслось звон стали – все, как один, достали оружие из ножен. – Но мы посмакуем твою смерть.

Он сделал выпад, Когон невольно уклонился. «*Умей отступить вовремя*» – указ старейшины Укмара запоздало возник в голове. Теперь уже некуда отступить, это – его бой.

И Когон побежал в атаку. Выхлестнув наружу всю обиду, вложив боль в последний рывок, он замахнулся. Но теперь Гнехт не тронулся с места. Он выставил блок. Его двуручный меч, как щит, принимал отчаянные удары, но не получал никакого урона. Когона душила злоба. Как он мог... предать?

– Дерись со мной! – он выпалил в сердцах, опуская на колени дрожащие руки. Он слишком давно не был в битве, он потерял форму. Он потерял свой мир.

– Уймись, Когон. Дай мне руку, и я сделаю тебя героем в глазах Императора. Только прими наш новый народ.

Топор оттягивал руку, и Когону показалось, что не оружие он держит, а камень – горный валун, взгроможденный на его плечи. Он тянет его, и никто не может помочь его сдвинуть, а орки – его бывшие соплеменники – восседают верхом.

Зурха улыбалась ему бледными губами, и ее лицо таяло среди алых цветов – таких же прекрасных, как она сама. Она ждала его дома, в старой лачуге на окраине Чуткого Леса, за тысячи лиг от столицы призрачной Империи – такой смутной и такой неосязаемой, что ответная улыбка покрыла его

губы. Совсем чуть-чуть, и он попадет в свой мир.

Когон перехватил топоры и бросился на Гнехта. Кажется, он увернулся, но Когон уже не видел его. Из-за спины полетело с десятков стрел.

– Бей, Когон! Мы с тобой, – донеслось из чащи.

Когон обернулся, но эфес меча Гнехта оказался быстрее. Тупая боль в затылке накрыла разум, и мир снова потерял цвета. Но, наверное, уже в последний раз.

* * *

Его тащили по земле, затем взгромоздили на варга и везли по дорожной грязи, но он не мог чувствовать. Сквозь закрытые веки пыль облепила глаза, руки отказывались подчиниться разуму. Его везли в столицу.

Да, это бесспорно. Его заступники мертвы, возможно, кто-то мертв из бывших сородичей. Но он – жив. Гнехт мог снести ему голову одним ударом, но лишь оглушил. Вряд ли он везет его в Эшгет, чтобы удостоить пьедестала почета.

Недолгий путь вдоль той же Вьюнки, и вот снова тот же запах гари, чьи-то крики сквозь туман, и темная ночь в глазах.

А дальше – твердая земля и бесконечный гул вместо мыслей.

Кто-то схватил его за запястья и стал связывать, второй подхватил за ноги и куда-то потащил. Спиной Когон ощутил узкую твердую поверхность. Столб.

Удар по лицу, еще удар, еще... Когон открыл глаза. С ресниц посыпался песок, ноздри вдохнули пыль, зубы заскрипели...

– Очнулся! – напротив стоял Гнехт. – Ты сам выбрал свое место, Когон. Постоишь у позорного столба до третьего заката, а дальше твою судьбу решит Император.

Хотелось кричать, но из горла вырвался лишь кашель, а следом – снова песок. Глаза резало.

Что-то наподобие сожаления Когон заметил на лице Гнехта, но тот поспешил удалиться. Ни слова о судьбе орков, ни слова о змееголовых. Когон выдохнул. Он там, где должен был оказаться с самого начала.

Сумерки окутали тени, сквозь пробуждающееся сознание орк иногда слышал шаги, шепот, чужой страх. Жители города боялись его. Но он – проигравший, он сдался, а, значит, не представляет угрозу Империи.

– Отдыхаешь? – громкий шепот возле уха заставил Когона поднять голову. Улица пустовала. Эшгет облачился в ночь. – Кое-кто подставился, наворотил чего не надо и сдался. Так нынче принято?

– Ильсо, – Когон протянул шепотом, и губы растянулись в улыбке. – Я так рад тебе...

– Вы, орки, глупцы и упрямы, – Ильсо показался из-за спины. В ночи его бледное лицо будто светилось. – Едва мне удалось увести это племя, они вернулись на подмогу одному еще более упрямому орку.

– Проклятье... я, кажется, неплохо влип, – он усмехнулся.

Ильсо гордо прошелся перед ним.

– Вся стража спит, – он шепнул и гордо поправил прическу. – Человек готовится к пиру. А мы готовы бороться.

– Я все испортил, – Когон вздохнул. – Надо было слушать тебя. А теперь я выгляжу, как дурак.

– Ты выглядишь как борец, Когон. И поэтому я пришел, – он разрезал веревки и схватил его за плечи. – Нам нужно найти убежище. Пока в город стекаются остатки сил Императора, нам опасно бежать. Но я уже здесь неплохо освоился, – глаза эльфа озорно сверкнули, и он понизил голос. – И еще я знаю, где Истинные. Мы найдем их, и теперь они не смогут нам отказать.

Когон не знал, что сказать, но Ильсо нашелся:

– Ты готов к битве, Когон. И ты поведешь нас.